

**Теодора Янници, кандидат исторических наук, директор Греческого
Культурного Центра – ГКЦ в Москве (www.hecucenter.ru)**

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГРЕЦИИ С МОМЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА ДО НАЧАЛА 20 ВЕКА

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА ГРЕКОВ

После обретения независимости в результате революции 1821 года Греция вступила в новую полосу своей истории. Разбросанным по многочисленным островам, разделенным плохими дорогами и неразвитой инфраструктурой, раздираемым многочисленными противоречиями и межклановой враждой грекам предстояло вступить на долгий и сложный путь строительства единого национального государства, определения своих внешне- и внутривосточных ориентиров и формирования нового греческого образа и самосознания. Долгое время жившие под гнетом турецкого ига и, наконец, обретшие долгожданную свободу и национальную независимость, греки вынуждены были решать непростые задачи построения нового жизненного уклада, урегулирования внутренних проблем и выстраивания отношений с окружающим их миром. При этом значительная часть греческого населения по-прежнему оставалась за пределами национального государства. Начиная с этого времени, греческая история как бы распадается на две части: с одной стороны, - это история национального государства Греция, с другой стороны, - история многочисленной греческой диаспоры, которая во многом обращала свои взгляды на новое государство либо в надежде на скорое воссоединение, либо в ожидании возрождения самобытной национальной культуры.

Романтика национально-освободительной революционной борьбы и формирования национального государства на территории, являвшейся колыбелью европейской цивилизации, постоянно привлекала восторженные

взгляды многочисленной армии симпатизирующих грекам во всех европейских странах, в том числе путешественников. Не случайно, по всей Европе возникают филэллинские общества, ставящие своей целью всемерно способствовать становлению греческой государственности, развитию ее институтов и возрождению исторических памятников Древней Эллады.¹ Геополитическое положение Греции, являвшейся европейскими воротами в Азию, делает новое государство объектом пристального внимания сильнейших европейских держав, таких как Россия, Англия и Франция, в восточной политике которых все сильнее проявляется греческое направление. Наконец, Греция все в большей мере становится предметом внимания путешественников, которые устремляются сюда, кто - в надежде воочию увидеть остатки былой славы этой страны, кто - желая получить заряд творческого вдохновения, кто - в силу торговых интересов, кто - в поисках приключений, а кто - из простого любопытства. Не составили исключения и русские путешественники.

При этом характер описания Греции русскими путешественниками в некоторой мере претерпевает изменение по сравнению с концом 18 и началом 19 веков, что было во многом связано с целями посещения страны. Если раньше в основном встречаются воспоминания военных, участвовавших в боевых действиях против турок, и людей, посещавших Грецию с духовно-религиозными целями, то русский путешественник в Грецию в 19 веке - это в основном светское гражданское лицо. Соответственно и в описаниях большее место занимают светские сюжеты, связанные с нравами и обычаями греков, их бытом, повседневной жизнью, памятниками старины. В целом, рассматриваемый период можно условно разделить на два подпериода. Первый, охватывающий первую половину 19 века, характеризуется сохраняющимся достаточно сильным влиянием России на политическую

¹ О филэллинизме в России см.: Мисюревич О.Е, «Восстань, о Греция, восстань!» Рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998.

жизнь Греции. Во второй же половине 19 века это влияние начинает заметно ослабевать, что в определенной мере сказалось и на отношении греков к русским и России.

Описания Греции русскими путешественниками, посетившими ее вскоре после окончания национально-освободительной революции, представляют взору читателя скорее разбитый сосуд, представленный множеством осколков и требующий бережной руки археолога, нежели единое цельное государство. Разобщенные и привыкшие к общению с самыми разными народами то ли в силу своей торговой и хозяйственной деятельности, то ли в силу полученного за границей образования, греки сильно отличались друг от друга и, порой, производили впечатления родственных этнических групп, нежели единого народа. Не случайно, описывая свое пребывание в Греции в 1830-1831 гг. в качестве переводчика при российском флоте, Константин Базили называет греков «племенами», представленными выходцами разных островов, нежели единой нацией. Характерно, что эти «племена» в значительной мере стремились сохранить свою идентичность, всячески противодействуя ассимиляции с другими представителями греческого населения.

Его воспоминания о выходцах с острова Ипсара, переселившихся на остров Эгина, является, пожалуй, одним из наиболее красочных тому подтверждений. Автор отмечает, что даже переселившись на другой остров, ипсариоты «имеют свои училища, своих Демогеронтов (старшин), и тщательно сохраняют свою народность, свой прежний быт и живописный костюм своих жен».² «Даже по потере родного острова, Ипсариоты еще более дорожат сохранением родных обычаев. Рассеянные среди греческих племен, они более всего боятся потеряться между ними».³ Чем можно объяснить такое отношение греков друг к другу? По-видимому, давняя привычка проживания

² Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 129.

³ Там же. С. 130.

замкнутой общиной для достижения своих целей и обеспечения своих жизненных интересов, неоформленность молодого греческого государства, а также веками сложившаяся традиция противостоять турецкой ассимиляции играли далеко не последнюю роль. Подобная разобщенность греков еще раз доказывает сложность задачи строительства единого национального государства. Играла свою роль и географическая разобщенность греков, которая сильно препятствовала установлению контактов друг с другом. Так, например, Базили отмечает, что «ионийцев (население Ионических островов – Ф.Я.) греки привыкли почитать чужими своей родине, кроме тех, кои с самого начала народной войны приняли в ней непосредственное участие».⁴

Примеры ипсариотов или ионийцев являются лишь частным подтверждением той степени разобщенности греков, которая была характерна для начального этапа создания греческого государства. Однако даже в рамках единой островной культуры между представителями греческого этноса наблюдались немалые различия. Так, описывая свои впечатления от острова Сирос, Базили, в частности, отмечает:

В толпе, составляющей народонаселение Сиры, не ищите никакого характера народного. Город, основанный случаем, соединяет в себе разнородные образцы племен, которые от времени Пеласгов, Дориан и Ионян и до возрождения Греции никогда не смогли слиться в однородную массу, сохраняя первобытные черты и во времена нашествий Готтов, Славян и Каталанов, и под владычеством Турции; хотя владычество сих последних, тяготея одинаково над всею массою народа, долженствовало, кажется, дать ей новую и однородную форму.⁵

И далее добавляет:

Торгующая толпа Сиры чрезвычайно разнообразна. Она силится переродиться в Европейский быт, но беспрестанно попадаются нам Румельоты в широких *фустанелах* (широкая юбка – Ф.Я.), островитяне в широких шароварах, азиаты в широких шароварах и чалмах, египтяне в широких плащах в виде

⁴ Там же. Ч. 2. Спб., 1834. С. 104.

⁵ Там же. С. 25.

капушонов. В ином углу чудной мозаики вас приветствует смиренный капуцин из верхнего города.⁶

В этом смысле Сира являлась как бы микрокосмом всего греческого общества, которое было столь же неоднородно и впитало в себя невообразимое множество различных культур, стилей и мод. Как нигде, это было заметно в греческой столице, располагавшейся в то время в городе Навплии. Навплия воплотила в себе все противоречия и несуразности переходного периода в истории Греции:

Моральное состояние Греческой столицы представляет такую же пестроту, как и самый город. Здесь найдете много образованных в Европе молодых людей, служащих в министерствах, и еще более безграмотных генералов, пребывающих в Азиатском быту; много горячих голов, досадующих, что прошла пора революций, и много офицеров регулярных полков, совершенно преданных правительству; много женщин, свято сохраняющих костюм своих матерей и восточную строгость в обращении, и несколько дам, которые как феномены блещут парижским воспитанием, и простирают до нельзя свободу европейского обращения.⁷

Описывая же греческий Сенат, Базили пишет:

Место бывших прежде Сеймов, Совещательных Корпусов и пр. занимал уже два года Греческий Сенат, состоявший из 27 членов. В нем заседали известнейшие лица всех частей Греции. Но сей Сенат никак не мог напомнить, по крайней мере наружными формами, ни совета Амфиктионов древней Греции, ни собрания Царей в Риме. В Сенате была оригинальная смесь костюмов: старинный Турецкий *бениш*, Архипелажский *шаровар*, Румельотская *фустанела* во сто аршин ширины, Албанская *чалма* на бритой голове, Немецкий *фрак*, Венецианский *полуплащ* –

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. Ч. 2. СПб., 1834. С. 8.

моды двадцати веков и двадцати народов случайно сошлись в столь малочисленном собрании.⁸

Вполне естественно, что в этих условиях едва ли можно говорить о некой единой самоидентификации всего греческого населения, проживавшего на территории нового национального государства. Некий Лип-рт отмечал вскоре после образования независимого государства:

Целая половина Эллинов и все Ромайцы ныне забыли свое греческое происхождение и считают себя Албанцами; но другое поколение Эллинов, напротив, твердо уверено в том, что происходит по прямой линии от племен, поселявших Грецию со времени фивской и троянской войн до императора Юстиниана и никак не соглашается с теми, которые утверждают, будто предки его были анатолийские колонисты, а язык его – испорченный остаток языка древнегреческого.⁹

Что же в этом случае объединяло этих людей, столь разных и подчас даже чуждых друг другу, зачастую раздираемых кровавыми междоусобными столкновениями?

Можно выделить несколько главных объединяющих начал, которые цементировали греческое общество на начальных этапах становления национального государства и послужили в дальнейшем основой формирования греческой нации. Во-первых, в основе объединения лежала языковая общность жителей множества греческих островов и местностей и своеобразная национальная культура. Несмотря на то, что зачастую представители политической элиты, получившие образование за границей, и испытывали определенные трудности с переходом на греческий язык, постепенно национальные культурные традиции брали верх. «Я видел в Греции много молодых людей, возвратившихся из Европы, где они

⁸ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 2. СПб., 1834. С. 17–18.

⁹ Лип-рт К. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. СПб, 1841. С. 15.

воспитывались во время революции. <...> Многие должны отказаться и от своего платья, и вновь одеться в национальное. Родители гневно выражают свое недовольство, видя в своих детях капризных иностранцев, иногда потерявших и родной язык и родную привязанность к религии», – вспоминал Базили.¹⁰

Уже в первые годы после революции весьма активно шло формирование новогреческого языка, вырабатывалась его литературная норма, что стало немаловажным фактором единения греков. «В последнее время новогреческий язык сделал быстрые успехи», – отмечал в начале 1840-х гг. Лип-рт.¹¹

Национальному единению греческого населения способствовало и осознание себя потомками древних эллинов и попытки возродить наследие Древней Эллады. Не последнюю роль в этом сыграло европейское просвещение, идеи которого постепенно в большей или меньшей мере стали проникать в широкие слои греческого общества. В частности, именно такого рода идеи, способствовавшие национальной консолидации, активно исповедовались интеллектуалами-западниками в противовес церковно-традиционалистской доктрине, рассматривавшей греков как ромеев-потомков Византийской империи. Все без исключения российские путешественники отмечают огромные усилия, которые предпринимались греками для сохранения и восстановления памятников старины, несмотря даже на довольно-таки сложное финансовое состояние государства. Среди греков вошло в моду называть своих детей именами видных древнегреческих государственных деятелей, литераторов и философов, хотя еще несколько десятилетий назад подавляющая часть греческого населения, в основном ориентированного на свою узкую общину или клан, едва ли имела какое-либо понятие о героях и достижениях древней Эллады.¹² «Молодые люди

¹⁰ Там же. Ч. 1. Спб., 1834. С. 113.

¹¹ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 31.

¹² Характерный пример приводит Шатобриан, описывая, как в 1806 г. образованный афинянин, знавший итальянский язык, имел представление об

одушевлены духом прошедших времен и подвигами великих людей, именами которых многие и ныне называются, - отмечал русский художник Иван Захаров, посетивший с группой других российских живописцев Грецию в 1849-1850 гг. – Я знал многих Периклов, Платонов, Сократов и проч.».¹³ Причем мода называть своих детей прославленными древнегреческими именами распространилась на самые простые слои общества. Описывая свое впечатление от посещения Афин в 1850-х гг., литературовед Александр Милюков был немало удивлен, когда увидел, как «на вывесках славные имена древности сталкиваются с предметами самого обыденного быта: там Фемистокл работает башмаки, здесь Эпаминонд печет белые хлеба, а там Анаксагор подписал свое имя под большими золочеными ножницами. В одной улице я встретил табачную лавку какого-то Диогена».¹⁴ Характерно, что обращение к древности в целях сохранения своей национальной самоидентификации было характерно и для греков, по-прежнему проживавших на территории Османской империи. Посетивший европейскую часть Турции в конце 1840-х гг. исследователь-славянист Виктор Григорович пишет, что в греческих учебных заведениях главное внимание уделялось, прежде всего, изучению древнегреческого языка и древних авторов. «Круг учения греческих училищ достаточно обширен, но, если принять во внимание назначение юношей, односторонен. Гораздо больше внимания уделяют они изучению древнего греческого языка и переводу разных отрывков древних писателей, чем таким наукам, которые соответствовали бы их назначению»,-

исторической сражении древних греков с персами у острова Саламин (5 в. до н.э.) лишь в общих чертах, да и то со слов французского консула. Грек также оказался не знаком с многими древними памятниками в пределах Афин, которыми интересовался путешественник, а всеми своими познаниями о Древней Греции был обязан именно французскому консулу, с которым он дружил. См.: Μουλλάς Π. Ρομαντικόί προσκυνητές: Chateaubriand (1806) και Lamartine (1832). – Περίηγήσεις στον ελληνικό χώρο. Αθήνα, 1968. Σ. 80.

¹³ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 71.

¹⁴ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 67.

отмечает он.¹⁵ И хотя автор критически оценивает такой подход к образованию, приведенный им пример достаточно ярко характеризует национальные чувства греков, живших по-прежнему под турецким игом и являвшихся неотъемлемой частью греческой нации, находившейся в процессе становления.

Развивалась и национальная греческая культура. Несмотря на долгие годы турецкого ига, коренные греки в значительной степени сохранили многие черты уклада и особенности народной культуры и не спешили перенимать модные иностранные веяния. В особенности характерно это проявилось на бытовом уровне в ежедневной жизни греческих низов. Так, Лип-рт писал, что «собственно танцы можно увидеть в Греции только на франкских балах; туземцам же, за исключением Фанариотов (греческие чиновники Оттоманской Порты - Ф.Я.), они, по-видимому, не нравятся. Греческие *на* простые, но разнообразные, обыкновенно очень занимают собою присутствующих».¹⁶ Захаров отмечал, что среди греков даже считалось особым достоинством подчеркнуть свою приверженность национальной культуре: «Надо отдать справедливость грекам, их привязанности к своему, народному; для грека нет блага выше, как уметь удачно выказать свою национальность в песнях, плясках, перед публикою, в особенности перед женщинами, которые со своей стороны неравнодушны к национальным обычаям и оценивают по достоинству особенно отличившегося преданностью к родине».¹⁷

Даже при формировании национальной армии, опираясь во многом на передовой иностранный опыт, греки попытались подчеркнуть свою национальную самобытность. «Артиллерия и два первые батальона были

¹⁵ Григорович В.И. Очерк ученого путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 198.

¹⁶ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 20.

¹⁷ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 71.

обмундированы совершенно по-европейски, но образцовый и 3-й и 4-й линейные при регулярном обмундировании сохранили свою народную фустанеллу и феску (национальный головной убор – Ф.Я.)», - отмечал Базили.¹⁸

Важным фактором было и осознание многими греками, по-прежнему проживавшими в Османской империи, молодого греческого государства как своей исторической родины, которая в трудную минуту могла стать им убежищем от притеснений. Помимо уже приводившегося выше примера ипсариотов, обретших свой новый дом на Эгине, Базили описывает как первый президент граф Иоаннис Каподистрия в 1830 году «вызвал» в Грецию борющихся с Турками жителей Кандии (о.Крит), «обещая им убежище и покровительство в независимой Греции». Правительство предоставило кандиотам земли, ввело специальную пошлину на ввозимые товары и начало сбор средств для помощи им. Причем, «из 20000 фениксов, собранных в продолжение первых трех месяцев, пятая часть была пожертвована русскими».¹⁹

Греческое государство способствовало и поддержанию греческого образования среди соотечественников, живших за пределами национального государства. Некий российский дипломат С.Н., возможно русский консул в Константинополе Новиков,²⁰ вспоминает, как в 1830-е гг. группа греков-юношей Сирии обратились через греческое посольство в Константинополе с просьбой выслать греческие книги, поскольку они не понимали греческого языка. Спустя несколько месяцев после того, как король Оттон распорядился отправить несколько ящиков книг в Каппадокию, он получил «благодарственное письмо на греческом языке и с греческими подписями

¹⁸ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 15.

¹⁹ Там же. Ч. 1. Спб., 1834. С. 168-170.

²⁰ См.: Theofanis G. Stavrou and Peter R. Weisensel, *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century* (Columbus, Oh.: Slavica Publishers, Inc., 1985), 333-334, 351.

имен тех самых юношей, которые на первом просительном письме подписались по-арабски».²¹ Таким образом, национальное государство способствовало распространению греческого литературного языка за его пределами, выступая в роли поборника культурной экспансии эллинизма среди греческого населения других стран.

Данные примеры были далеко не единичными. Они положили начало активной помощи Греческого государства своим соплеменникам, находившимися по-прежнему под турецким игом. Одним из наиболее ярких примеров такой помощи в дальнейшем станет значительная поддержка национально-освободительной борьбы греков в ходе критских восстаний, причем характерно, что оказываться она будет не только греками, проживавшими в самой Греции, но и представителями греческой диаспоры в других европейских странах, в том числе и России. Характерно, что именно в 1840-е гг. зарождается и выкристаллизовывается идея освобождения греческого населения от турецкого ига и воссоединения греческих земель в едином национальном государстве, впоследствии распространяясь в самых широких кругах греческого населения. «Теперь нам нужно, чтобы была всеобщая война в Европе, и тогда, если нас оставят прочие державы, мы можем напасть на Турцию и овладеть ею», - приводит слова одного из греческих военных, достаточно характерно отражавшие общественные настроения своего времени, дипломат В. Орлов-Давыдов.²² Идея воссоединения греческих земель, получившая название Великой Идеи, с начала 1840-х гг. и вплоть до третьего десятилетия 20-го века станет определяющим фактором греческой внешней, а во многом и внутренней политики, способствуя дальнейшей консолидации греческого общества.

Наконец, важную роль в процессе становления Греческого государства играла и общая православная религия, которую теперь можно было

²¹ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 78.

²² Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 108.

беспрепятственно исповедовать. Религия сыграла объединяющую роль в борьбе греков за независимость. Орлов-Давыдов вспоминает, как в одной из бедных сельских церквей Пелопоннеса ему довелось увидеть наклеенные на стенах тексты патриотических песен. «Эта церковь изображает лучше всех длинных описаний чувства греков к их религии. Они сражались за нее и потому украшают церковь своими трофеями, т.е. национальными песнями», - писал путешественник.²³

Греки довольно-таки ревностно охраняли свои религиозные верования, даже когда гонения на веру со стороны османских властей, казалось бы, ушли в прошлое. В частности, подозрения греков вызывали всевозможные западные библейские общества, которые ставили своей целью развитие начального и среднего образования. Вот как, например, Базили описывает отношение коренного населения к американскому библейскому обществу, развернувшему свою деятельность на острове Сира: «Его миссионеры приносили большие денежные пособия, строили большие здания и следовали прекрасной методе преподавания; но сия ревность возбуждала во многих из жителей подозрения, нет ли тайного замысла против религии. И хотя пользовались они покровительством президента, но находили сильное сопротивление в опасениях сириотов (жителей острова Сира – Ф.Я.) препоручать воспитание детей иноверцам».²⁴

Однако, анализируя отношения греков к церкви, русские путешественники немало были удивлены прагматизмом греков и отсутствием столь характерного для России религиозного пиетета. Практически все без исключения отмечают крайнюю бедность греческих православных церквей. Более того, даже эти небогатые церкви подчас становились объектом разграбления самих греков, значительное число которых с трудом переходило к мирной жизни и промышляло исключительно разбоем после окончания

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Часть 1. Спб., 1834. С. 33-34.

революционных боев. Базили отмечает, что такие случаи, в частности, были достаточно характерны для части жителей Пелопоннеса - маниотов, называемых автором майнотами: «При всем их суеверном благоговении к святыне храмов, бывали случаи, в которых майноты не могли устоять против искушения перед богатыми украшениями икон. <...> Майноты нередко брали из церквей драгоценности, уверяя, что это делали они единственно для того, чтобы предохранить святыню от святотатства иноверцев».²⁵ Орлов-Давыдов, описывая свое посещение Смирны, отмечает, что «здешние греки не находят никаких светских выгод в поддержании своей веры, и поэтому к ней весьма слабо привержены».²⁶ Наконец, Лип-рт считал, что одним из главных недостатков становившейся на ноги греческой системы образования было недостаточное внимание, уделяемое богословию: «...В элементарных греческих школах почти повсюду прекрасно учат читать, писать, арифметике, географии и истории, но что религиозное обучение - обучение, долженствующее быть основанием всякого воспитания, - преподается в них не вполне удовлетворительно. Нынешние преподаватели в Греции, по большей части, не могут достаточно изъяснить своим питомцам всю важность влияния религии на жизнь человеческую».²⁷ Чем же все-таки было вызвано такое восприятие российских путешественников отношения греков к их религии и в какой мере подобные комментарии действительно отражают религиозные чувства эллинов?

Представляется, что в своих оценках русские путешественники исходили, прежде всего, из своих собственных представлений о месте и роли религии в жизни общества. Если в России православная церковь была весьма влиятельным государственным институтом, роль которого в общественной жизни определялась вековыми традициями, то в молодом Греческом

²⁵ Там же. Часть 2. Спб., 1834. С. 122.

²⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 2. Спб., 1840. С. 12.

²⁷ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. Спб., 1841. С. 31.

государстве православная церковь была в значительной мере связующим духовным звеном между разрозненными греками, в то время как ее институциональное влияние было намного слабее. Уже в первые годы после революции со всей очевидностью проявилось стремление светского государства ограничить вмешательство церкви в общественно-политические процессы, что отражало модернистские и секуляризаторские настроения правящих кругов Греции. В 1833 году регентом Георгом-Людвигом Маурером, правившим Грецией в силу несовершеннолетия короля Оттона, баварца по происхождению, была провозглашена независимость греческой церкви от Константинопольской Вселенской патриархии без ведома и участия в этом решении последней. Естественно, что этот прецедент на протяжении долгих лет наносил удар по престижу Константинопольской патриархии, которая уже не отрицала автокефальность греческой православной церкви, но возражала против способов и методов ее достижения. В результате церковных трений в 1850 году греческая церковь подала заявление Экуменической патриархии, которая вынуждена была формально признать независимость греческой церкви. Через два года греческим парламентом был принят уставной закон греческой церкви, согласно которому светская власть не вмешивалась в дела церковные и оба института определяли свою политику вне зависимости друг от друга.²⁸

Воспоминания русских путешественников достаточно отчетливо показывают, что в определенной мере подобные тенденции отражали и настроения масс. Тем более, как уже отмечалось ранее, стремление к роскоши не было характерно для греков, в том числе и в религиозных вопросах, поэтому многие из них считали более естественным вкладывать капиталы не в украшение и обогащение церквей, а в более прибыльные предприятия. Наконец, греческое духовенство, многие представители которого пребывали

²⁸ Σπ. Β. Μαρκεζίνης. Πολιτική Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδος 1828-1964. Τόμος Πρώτος. Αθήνα, 1966. Σ. 197; Κ. Παπαρρηγόπουλου. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Βιβλίου 16ον. Έκδοση 6η. Αθήνα, 1932. Σ. 284-285.

«в самом глубоком невежестве»,²⁹ едва ли могло стать той движущей силой, которая бы обеспечила поступательное развитие греческого государства. Иными словами, греки оставались весьма приверженными православия, однако оставляли за ним лишь исключительно духовно-религиозные функции.

Удивление русских путешественников вызывало и отношение греков к сельскохозяйственным работам. В отличие от России, где земледелие было основой хозяйственной жизни, греческое население довольно-таки неохотно занималось возделыванием земли. Это явление не было новым – русские путешественники наблюдали его и во времена турецкого ига. Однако избавление от османского гнета и связанных с ним притеснений отнюдь не привело греков к активному стремлению возделывать землю, за которую они пролили столько крови. Русские путешественники склонны были усматривать в этом как объективные, так и субъективные причины. Так, Базили считал, что в основе пренебрежительного отношения греков к земледельческим работам лежала, прежде всего, природная склонность к лени. Описывая остров Порос, Базили отмечает, что «роскошь природы внушает пориотам ленивое бесстрашие. Отцы семейств и молодые люди убивают целый день на игру в бильярд и карты». И далее добавляет: «Домашние и почти все полевые работы вверены женскому полу».³⁰ Ему вторит Орлов-Давыдов, утверждая, что грек «гнушается пашнею, как каторгою, и предоставляет ее самому бедному из своих соотечественников. Пастушеская жизнь была тогда (в прошлые века – Ф.Я.), как и теперь, почетнее, оттого что в ней меньше труда».³¹

Отмечая нежелание греков возделывать землю, русские путешественники, однако, видят в этом и объективные причины. Так, некоторые русские путешественники, симпатизировавшие грекам, склонны были винить во всем турок и видели главную причину упадка земледелия в

²⁹ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. СПб., 1934. С. 33-34.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. СПб., 1839. С. 153.

тяжелом наследии турецкого ига. «Есть и еще причина упадка в ней (Греции – Ф.Я.) земледелия, заключающаяся в ее недавно минувшем положении под властью турок, поощрявшими всюду своими законами бесправность, а своими примерами признание к мирным оседлым занятиям и в особенности к полевым работам», - отмечал русский дипломат.³² Орлов-Давыдов считал, что по окончании национально-освободительной борьбы у греков оказалось земли «гораздо более, чем сколько может обработать». «При виде этой мертвой тишины, невольно заключаешь, что при турках здесь было более жизни», - добавляет путешественник.³³ Другим немаловажным фактором было и то, что почвы в Греции, до присоединения плодородных Фессалии и Эпира в начале 1880-х гг., были плохие и земледелие не могло служить стабильным источником дохода, особенно в случае неурожайного года. «Хлебопашеством занимаются очень немногие, и то для домашнего обихода. Да и трудно бы было заниматься хлебопашеством, потому что по всей Греции почва земли каменистая и гористая», - своими наблюдениями с читателями делится Захаров.³⁴ Дипломат С.Н. даже приводит примеры, как на Ионических островах помещикам в неурожайный год было нечего отбирать у крестьян, а среди последних, в свою очередь, «даже иной радовался, когда его сажали в тюрьму на казенное содержание».³⁵

Однако подавляющее большинство путешественников едины во мнении, что греки, для которых и в годы турецкого ига был характерен дух предпринимательства, не занимались активно сельским хозяйством во многом потому, что другие виды деятельности, прежде всего, судоходство, предлагали большие возможности, нежели возделывание земли. Описывая свое впечатление от посещения Пелопоннеса, Орлов-Давыдов, в частности,

³² С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 75.

³³ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 146.

³⁴ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 82.

³⁵ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 169.

отмечал: «Моря (Пелопоннес – Ф.Я.), находясь между самыми плодородными землями в мире - Италией и Малой Азией, - может посредством свободного сообщения с ними гораздо легче и дешевле приобретать их произведения, чем возделывать свою собственную почву. Таким образом, кажется, будто каждая часть полуострова, выходящая в море, оттянута от общего центра в противную сторону».³⁶ Естественно, что особенности географии Греции, которые оказывали большое влияние на хозяйственную деятельность греков, также способствовали разобщенности греческого населения и препятствовали установлению контактов между ними.

Путешественники также отмечали, что, если сельское хозяйство в определенной степени пришло в упадок после ухода с греческих земель турок, то торговля, напротив, лишь набирала обороты. Это было вполне объяснимо: греки были искусными судостроителями и моряками, а небольшое судно было по карману даже весьма небогатым жителям островов и прибрежной части материка. При этом доходы от торговли во много раз и достаточно быстро могли превзойти все вложения. Дипломат С.Н. пишет об острове Сира, одном из наиболее активных центров греческой торговли в то время:

Из здешних нет почти ни одного порядочного матроса, не только что шкипера, который бы в течение нескольких лет мореплавания не скопил настолько деньжонок, чтобы построить, в компании со своими родными и друзьями, хоть маленькое судно. Правда, случается иногда, что такое судно сделает всего-навсего один дальний путь, а если два или три – то это уже много! Нужды нет: оно окупится хозяину и даже принесет хороший барыш за труды.³⁷

Очевидные выгоды торговой деятельности по сравнению со всеми другими видами хозяйствования способствовали тому, что именно судоходство, в котором была занята существенная часть греческого населения,

³⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. Спб., 1839. С. 151.

³⁷ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. Спб., 1869. С. 133.

стало одной из основ экономики Греции. Характерным описанием страсти греков к мореплаванию могут служить воспоминания художника Захарова:

Вся промышленность греков заключается в судоходстве. Греция имеет, как мне рассказывали, шесть тысяч больших купеческих судов и пятьдесят тысяч моряков, таких, каких лучше быть не может на земном шаре. Сколько раз мне случалось видеть в Пирее, как несется по волнам маленькая лодочка с одним парусом, прибывшая по морю за пятьдесят верст и более, и на самом конце боковой реи сидит отважный мореход и еще управляет парусом. Однажды, когда Нельсон (английский адмирал –Ф.Я.) со своей эскадрой был в Средиземном море, с адмиральского корабля заметили что-то мелькавшее в море и приближавшееся к кораблю. Сначала не могли понять, что бы это могло быть; наконец, рассмотрели лодочку и в ней человека. Тотчас приказано было послать шлюпку, чтобы спасти человека, в той уверенности, что эта лодочка с какого-нибудь корабля. Когда лодку привели к кораблю, адмирал увидел, что она нагружена фруктами, и в ней только один человек – грек. На вопрос, с какого он корабля и где погиб корабль, грек отвечал, что он не был ни на каком корабле, а едет из Греции в Мальту продавать фрукты. Это так поразило Нельсона, что он тотчас же купил все фрукты и лодку и приказал поднять ее на корабль вместе с греком, которого потом доставил в отечество. Для греков море – родная стихия, без которой они жить не могут. Плавают они удивительно.³⁸

Таким образом, с самого начала формирования Греческого государства земледелие как род хозяйственной деятельности имеет хоть и существенную, но все же достаточно ограниченную роль в экономике страны, а значительная часть населения была более склонна заниматься торговлей, предпринимательством и судоходством. Даже наиболее перспективные отрасли греческого сельского хозяйства, как производство маслин или виноградарство, были достаточно тесно связаны с производством и торговлей. «Возделывание масла и вина относится уже более к области промышленности,

³⁸ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. Спб., 1854. С. 82.

чем земледелия», - писал дипломат С.Н., добавляя, что именно производство оливок «по количеству не только внутреннего потребления, но и заграничного сбыта составляет важный источник народного богатства».³⁹ Низкая рентабельность сельского хозяйства в большинстве районов страны не способствовала консервации феодальных отношений, которые бы могли стать в определенной мере тормозом на пути экономического развития страны. Орлов-Давыдов пишет, что «обширные земли, уступленные турками по окончании войны, остаются до сего времени без всякой пользы для помещика, потому что обрабатывание их при наложенных повинностях превзошло бы цену самого имения».⁴⁰ Особенности историко-географического развития государства, отсутствия укоренившейся веками феодальной традиции, создавало предпосылки для будущей политико-экономической модернизации Греции, в основе которой будет лежать формирование капиталистических отношений. Во многом эта модернизация будет опираться на передовые просветительские идеи.

Важным фактором становления нового греческого государства и самосознания было развитие образования. Причем, как уже отмечалось ранее, в развитии национальной системы образования греки во главу угла ставили светские идеи европейского просвещения и практическое образование, предпочитая их религиозно-духовному знанию. Причем все без исключения путешественники отмечают активное стремление греков к образованию, которое проявилось уже в первые годы после освобождения Греции от турецкого ига, несмотря даже на отсутствие всех необходимых для этого условий. «Расположение греческого народа к образованию приводит в удивление иностранцев, посещающих сию страну, когда так свежи в ней язвы последних злополучий», - вспоминает Базили и далее добавляет: «Есть города и деревни, опустошенные войной; среди одичалости и развалин безмолвствует

³⁹ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 75.

⁴⁰ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. Спб., 1839. С. 292.

печальный остаток народонаселения, а на церковном подворье малолетние дети теснятся кругом приходского священника, который, укрываясь с ними от солнца в тени погорелого здания, учит их по лоскуткам книг, и заставляет чертить буквы на песке».⁴¹ Путешественники отмечают, что становлению греческой системы образования, в особенности высшего в значительной степени способствовали пожертвования от представителей греческой диаспоры за границей. «У правительства не было денег - и со всех сторон полились приношения в пользу науки: из Лондона, Петербурга, Вены греки присылали большие суммы на основание университета, института, академии наук», - писал Милюков.⁴² Определенную помощь также оказывали и всевозможные филэллинские общества или просто симпатизировавшие молодому Греческому государству иностранцы, в том числе и русские. Базили вспоминает, как во время открытия семинарии при монастыре на Поросе, присутствовавшие при этом офицеры базировавшегося на острове русского флота «сделали по собственному движению подписку в пользу нового заведения».⁴³ Таким образом, как и в прежние годы, Россия продолжала помогать становлению национального образования в Греции.

Немаловажным фактором, который свидетельствовал о демократизме греков и будет немало способствовать социальной мобильности греческого общества, была доступность образования для самых широких слоев населения. В результате греческий студент во многом отличался от своих собратьев в Европе или России. Вот как Милюков описывает атмосферу, царившую в Афинском университете, созданном в 1837 году:

Того известного типа молодого человека, который надевает студенческий сюртук для того, чтоб блистать в кондитерских и театрах, в Афинах не существует. Говорят, что страсть к учению

⁴¹ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 111.

⁴² Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. Спб., 1859. С. 71.

⁴³ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 93.

здесь не бескорыстна, и всякий мальчик, посещая школу, мечтает уже о дипломе, который должен обеспечить ему положение в жизни. Но разве это не извинительно? Едва только открылся университет, молодые люди начали сходиться в него со всех концов Греции. Были случаи, что иной приходил в город с несколькими драхмами в кармане и определялся слугою или мальчиком в какой-нибудь магазин, требуя за свои труды только кусок хлеба да три часа в день для посещения лекций.⁴⁴

Художник Иван Захаров подчеркивает, что с момента создания независимого государства, в Греции открылось множество новых учебных заведений: университет, политехническая школа, несколько гимназий, военные училища, в которые устремились в поисках знаний все слои греческого общества: «У греков страсть к наукам неимоверная: у них мужчины и женщины – все учатся. Университет посещают люди всех званий и на лекциях слушателей всегда много, не только молодых, но и пожилых».⁴⁵ К. Лип-рт также отмечает, что слушателями Афинского университета были люди «всех званий, средних и даже пожилых лет, привлеченные в него одним только желанием образовывать себя».⁴⁶ Причем, тяга к образованию проникала в самые широкие слои общества. Милюков пишет, как нередко в самой беднейшей деревне жители нанимали сельского учителя и по очереди «дают ему постель под кровлей своей избы и место за скудным обедом. И вот этот кочующий педагог, за неимением школы, собирает учеников под открытым небом, на паперти деревенской церкви или под тенью дерева, и дети по целым часам сидят за своими книгами».⁴⁷ Тяга греков к образованию в этот период была настолько сильной, что обучение своих детей многими даже

⁴⁴ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 74.

⁴⁵ Захаров И.Д. Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. Ч. 1. СПб., 1854. С.81.

⁴⁶ К. Лип-рт. Греция в нынешнем своем состоянии. Статья 1. Отечественные записки. Т. 19. СПб., 1841. С. 26.

⁴⁷ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 74.

самыми беднейшими представителями греческого общества воспринималось как некая ценность в себе, даже если в дальнейшем знаниям, полученным в учебных заведениях, не будет найдено практическое применение. Характерный пример тому приводит Милюков, описывая диалог простой прачки с его греческим знакомым Ликадисом, по поводу обучения ее дочери в престижном женском институте Арсакеон в Афинах:

Надобно было видеть, с каким гордым удовольствием, вынимая белье из ручной корзинки, она говорила:

-Моя дочь ходит в Арсакеон!

-Что ж ты будешь делать с ней, когда она выучится? – спросил у нее Ликадис.

-Она будет учить богатых людей.

-А если не найдет места?

-Да разве Вы думаете, что образование помешает ей стирать белье? Ведь она и теперь иногда помогает мне! – отвечала гречанка, гордо поправляя свою алую феску.⁴⁸

Данные примеры характеризуют греческое общество как молодой и динамично развивающийся организм, склонный вбирать в себя все передовые веяния времени. Доступность образования для широких слоев населения создавало и важную предпосылку для проникновения в массы государственной идеологии, что являлось после обретения независимости существенным фактором, наряду с религией, языком и участием в национально-освободительной борьбе, консолидации греческой нации и формирования массового самосознания. По мере становления греческой нации и государства, которое взяло на вооружение национальные доктрины воссоединения всех греческих земель, у Греции появятся и новые внешнеполитические приоритеты, что неизбежно приведет к переосмыслению своего места в европейской политике и отношений с другими державами, в том числе и Россией.

⁴⁸ Там же.

*Теодора Янници, кандидат исторических наук, актриса,
директор Греческого Культурного Центра - ГКЦ*